

С.А. Семенов

Голод

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
С11

С11 **С.А. Семенов**
Голод / С.А. Семенов – М.: Книга по Требованию, 2023. – 98 с.

ISBN 978-5-458-03744-0

СЕМЕНОВ Сергей Александрович (1893-1942) - русский писатель. Наибольшей известностью пользовался документальный Роман "Голод" (1922) - о последствиях голода 1919. Роман "Наталья Тарпова" (кн. 1-2, 1927-28) посвящен послереволюционной жизни в России. Книги: "Единица в миллионе" (1922), "Копейки" (1924) и др.

ISBN 978-5-458-03744-0

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© С.А. Семенов, 2023

Семенов С.А.
Голод

С.А. СЕМЕНОВ

ГОЛОД

Роман-дневник.

25 апреля 1919 года.

Я очень люблю Петроград! Из окна вагона уже видны трубы, церкви и крыши, крыши, крыши. И над всем протянулось огромное, дымное небо. Господи, как бьется сердце! Сейчас, сейчас приеду!

Выскочила на перрон и сразу растерялась. Все кричат, бегают, суетятся. У меня с собой немного продуктов. Везу для голодного папы, а у проходных весов, кажется, реквизируют. Вокруг милиционеров столпилась целая куча. Плачут, ругаются. Неужели у меня тоже реквизируют?

Слава Богу! Через весы проскочила благополучно. Господи, как же это? На вокзальных часах уже без десяти шесть! А трамвай ходит только до шести. Мне же далеко!.. В Гавань!.. Успею ли?

Бегу через вокзал и никого не вижу. Толкаю всех без разбора. И чувствую, чувствую, как сзади позорно треплются мои жалкие две косички. Наверное, все смеются. А я еще в шляпке... Еду в Петроград, чтобы служить. Мне уже пятнадцать лет.

Как сумасшедшая, выбежала на Знаменскую площадь. Какие эти мальчишки нахалы! Так и пристают. Барышня, барышня, пожалуйста тележку!

- Ну, вы, оголтелые, пошли прочь! Вишь, барышню совсем закружили.

Поднимаю глаза и благодарю чуть не со слезами.

А лицо простодушное, широкое и румяное. Глаза замечательно добрые. И большая, русая борода. Наверное, не обманет.

- Давайте, барышня, донесу. Не сумлевайтесь, все будет в аккурат... Пожалуйста на трамвай.

- Благодарю вас, благодарю. Мне на пятый номер. Не знаю, куда... Пожалуйста... Господи, куда же вы меня сажаете? Мне же в Гавань!.. А этот куда? куда?

- Скорей, скорей, барышня! Последний прозеваете. В аккурат этот самый!.. На Васильевский!..

Слышу, на площадке говорит кто-то:

- На Васильевский, на Васильевский этот...

Слава Богу, попала. Гляжу, а мужик протягивает руку:

- На чаек-с, барышня.

И, конечно, я покраснела. Всегда, всегда краснею, когда даю кому-нибудь деньги. Вот глупая-то... Сколько же дать этому... товарищу?

Покраснела еще больше и протягиваю двадцатирублевую керенку.

- До... до... довольно?

Господи! Все лица на площадке заулыбались. Поглядывают на керенку в протянутой руке и улыбаются. Конечно, конечно, даю очень много!..

А товарищ вдруг:

- Маловато-с, барышня.

Ах, какой он нахал! И лицо совсем не добродушное, а хитрое. Противная публика смеется еще больше. Господин в пенсэ посмотрел, нахмурился и отвернулся. А товарищ все протягивает руку.

Ищу в кошельке еще керенку, и пальцы дрожат. Господи, все смеются надо мной, а я стою красная, красная. Протягиваю еще одну:

- Сдачи... сдачи у вас нет?

- Нет-с, барышня.

Противный! Он еще смеется. Щурит глаза и смеется.

- Нет, нет... ради Бога, возьмите... не надо сдачи.

Едем по Невскому. Какой он стал печальный, безлюдный. Милый, родной Невский. Говорят, люди умирают на ходу от голода. Господи, как же я-то буду жить? Очень голодает папа или нет?

Уже Николаевский мост. Вот Пятая линия. Сейчас, сейчас.

Звоню изо всей силы.

- Кто там?

Ах, какой сердитый, раздраженный голос! Это - Антонина. Наверное, она голодная. А я почти ничего не везу...

- Тонечка, милая, открой... Это я... я... Неужели не узнала?

С размаху бросилась ей на шею. Целую и плачу. Странно! Почему же я так обрадовалась ей? Она совсем чужая. Жена брата. И нехорошая, черствая. Шея у ней костлявая. И теперь-то она не рада мне. Чувствую это сквозь свои слезы. А все почему-то целую, целую.

- Привезла чего-нибудь?

- Ах, Тонечка, извини, хлеба не привезла. Даже сама всю дорогу голодная ехала. Вот тут в мешке остался еще кусок, да крошки... я сейчас, Тонечка...

А Тонька смотрит тяжело и неприязненно на меня и очень любопытно на мешки. Наверное думает, что мама нарочно ничего не хотела послать из деревни. А у нас ведь и у самих не было хлеба; на одной картошке сидели... Ах, как она смотрит жадно и нехорошо! У меня даже руки трясутся. Лихорадочно развязываю мешки и высы-

паю крошки на стол в кухне. Развязываю еще, еще.

- Вот мама прислала немножко грибов сушеных для папы и Шуры... масла немного... да творогу. А больше и для папы ничего нет.

Антонина совсем разочарована, но говорит:

- Ну, ну, нам и не надо. Мы не нуждаемся. Вот только папка голодает. Ворчать будет, что ничего не привезла.

- Как? Вы не голодаете, а папка голодает? Разве вы живете отдельно?

- Да, да... И все это папка выдумал. Ты еще не знаешь, какой он стал скупой! Уходит на работу, а комнату свою на ключ запирает. Словно мы воры. Ну, ладно, пойдем в комнату чай пить.

Господи, как заныло сердце. Разве можно так жить между собой родным? Неужели папочка такой скупой стал? Восемь месяцев не видала его. Если такой скупой, то как-то меня встретит?

Вхожу в комнату, а на кровати сидит Тamarочка. Только что проснулась и в одной рубашечке. Коленочки розовенькие и с ямочками.

- Тamarочка, Тamarочка, ангел мой! Это я, тетя Фея! Узнала тетю? Тонечка, гляди, ведь она - ангел?.. Ангел ведь?..

Я очень люблю Тamarочку. Верчусь с ней по комнате, как бешеная. Вдруг входит Александр.

Увидел меня и как будто обрадовался. Господи, какой он худой и бледный! Я знаю, что он любит меня больше других, а я всегда груба с ним. И я люблю его, но он какой-то забитый и жалкий. Самый старший из братьев, а как-то глупый.

И теперь, как увидела его исхудалое лицо, сразу стало очень жаль. А поздоровалась, как всегда, небрежно и, вместо приветствия, спросила:

- Ты еще на место не поступил?

Я знала, что он смутится. Какой у него убитый вид! Наверное, каждый день донимают его этим вопросом. И я еще... Ах, какая я!.. Бедный, бедный Александр! Он обиделся и ушел из комнаты.

Антонина режет с полфунта хлеба на очень тоненькие ломтики.

- Садись пить чай. Вот только хлеба вчера не успели купить. А так мы не нуждаемся.

Глаза у ней опущены на хлеб и совсем не смотрят на меня.

- погоди, Тонечка, не надо мне хлеба. У меня ведь на кухне остались крошки, да еще кусок... Сейчас я принесу...

- Да ну уж, чего тут! Ешь мой. Мы не нуждаемся.

- Нет, нет, я сейчас.

Побежала на кухню. Господи, где же хлеб? Кто-то с'ел! Вот тут, тут был сейчас. А теперь нет.

- Тонечка, Тонечка, пойд-ка сюда... Где же хлеб? Вот тут был сейчас, и кто-то с'ел...

Антонина прибежала сердитая.

- Да кто же? Я не знаю. Наверное, Шура...

- Александр? Не может быть! Да неужели он такой голодный? Ах, вот он и сам!

- Ты с'ел хлеб?

Молчит. Но я и так вижу, что хлеб с'ел он. Такой большой... Двадцать пять лет, а губа дрожит нижняя. И жаль, и хочется разорвать его.

- Я не знал. Я думал, хлеб ничей.

- Как ничей? Неужели ты не мог подождать, пока не сядем пить чай? Не стыдно! Не стыдно! Ведь все есть хотим.

- Да много ли его было-то?

- Много не много, а должен подождать.

Александр смутился окончательно. Он не знает, что говорить. Мне жаль его. Но перед Тонькой стыдно, и я кричу на него. И самой стыдно, а кричу.

Тонька смотрела, смотрела и вмешалась.

- Брось его, Фея. Он в самом деле голодный. Папка его на диете держит. Ладно, у меня хлеб есть, идем пить чай.

Сердце словно заплакало. И даже на глазах чуть-чуть не проступили слезы. Едва удержалась. Бедный, бедный Александр! Папа его голодом морит. Господи, какой он жестокий стал! Александр даже похудел, и глаза провалились. Как-то я буду жить с папой?

А за чаем Тонька рассказывает. Лицо строит сердитое, а глаза смеются.

- ...Уж не знаю, как ты и жить будешь с ним? Очень скупой стал! Я уж не считаюсь куском хлеба, и Митюнчик мой не считается, а он запирает от нас комнату. Воры мы, что ли? А вчера, знаешь, у нас тоже не было хлеба. А у него был. Я зову его обедать к нам и спрашиваю: хлеб, папа, есть у вас? У нас сегодня нет. А он взглянет так зверем: "есть", - говорит. И несет из комнаты большой кусок. Отрезал нам всем по малюсенькому ломтику и опять унес. Так это мне обидно показалось, ты и представить себе не можешь. Разве я и Титюнчик так с ним поступаем?..

Я слушала, а сердце так и замирало от боли, обиды и страха. Ужас, ужас какой! Он и меня будет морить голодом. Скорей бы мама

приезжала из деревни. Тонька тоже ненавидит меня. Наверное, она радуется, что рассказывает про это. Ну, да ладно, я буду веселая.

И я начинаю тоже рассказывать. Ах, как я весело ехала! Всю дорогу до Вологды провожал Френев. Френев - мой жених. Мы в Вологде даже поцеловались. Но что это Александр не ест хлеба? И вид у него робкий, словно не смеет.

Вопросительно взглядываю на него.

И сразу Тонька догадалась. Нахмурила свои бровки и говорит:

- Ешь, Фея, и вы, Шура, берите!

Верно, верно! Шура не смел взять без спросу. Фу, как некрасиво он ест! И старается, чтобы не заметили; хочет быть развязным.

Делает вид, что не обращает внимания на хлеб и спрашивает:

- А мама скоро придет?

- Скоро. А что?

Он жалко подмигивает глазом и чавкает:

- Вот и скоро... Да, да, вот и скоро.

И сам берет еще кусок, еще и еще.

Тонька следит за каждым куском. Даже противно, и жаль Александра. Я говорю ему глазами, чтобы перестал есть. Но вдруг мне стало стыдно. Он, бедный, наверное и сам чувствует, что много ест, да он голоден и не может удержаться, когда хлеб на столе. Слава Богу, он уходит!

Тонька провожает его злыми, карими глазами. Потом смотрит на меня. Что-то она еще скажет?

- ...И знаешь, еще... Папка ужас какой неопрятный стал. Овшивел весь...

Смотрю на нее широкими глазами. Господи, еще этого не хватало! Больше не могу делать веселое лицо и кричу возмущенно, прямо в ее вытянутый, острый, длинный нос:

- Что ты? Не может, не может быть!

- Да как, дура, не может, когда раз в месяц в баню ходит. Понимаешь, жалеет денег даже на баню. Ну, они и заводятся. А тут еще голодно. По полу, по стульям так и ползают. Я Тамарочку не пускаю.

Поднимается брезгливое чувство к родному отцу... Фу, фу, гадость! Ни за что не лягу с ним в комнате! Лучше у Тоньки на полу. И как он дошел до этого? Ведь так я буду его ненавидеть.

- Тонечка, милая, я у тебя буду спать. Я не могу с ним.

А Тонька опускает глаза на стол. Страх хватается за сердце. Неужели не позволит?

- Да у нас места нет. Видишь, как все заставлено.

- Я, милая Тонечка, на полу где-нибудь.

- Ложись. Но у нас места нет.

Она опять рассказывает про папу. Двадцать раз повторяет, что он не доверяет родному сыну: запирает комнату. А сам живет впроголодь. И хлеб есть: с завода получает достаточно. Даже запасы скопились, и хлеб заплесневел. Селедки тоже вонять стали. А Александра совсем морит голодом. Если б она его не прикармливала, он ноги протянул бы. И все потому, что он не может получить места. Завтра как будто обещали место младшего дворника в Европейской гостинице.

Выгнула шею и слушаю жадно. Уже не брезгливое чувство, а боль поднимается за папу. Господи, как голод его исковеркал! С восемнадцатого года - голод, голод и голод! Хорошо, что завод опять работает, а то совсем было бы плохо. И по письмам в деревню было видно, что папа изменился. Писал, чтобы приезжали, но между строчек было видно, что не хочет этого. Мама тоже скоро придет. Как-то мы все будем жить с ним?

Звонок.

Тонька срывается с места. Сразу чувствую свое быющеее сердце. Оно бьется со страхом. Это - папа.

Бегу за Тонькой на кухню. Она уже отпирает дверь. Гляжу во все глаза, и сердце бьется, бьется...

Входит.

Что-то как будто ласковое пробегает по худому, усталому лицу.

- А, ты приехала? А как мама?

- Да, папочка. Здравствуйте.

Странно, почему же я его не поцеловала? Никогда этого не бывало раньше. Даже когда он руку пожал, сердце зашевелилось от неприятного чувства. У него вши, вши... А смотрит как будто ласково. Только над левым глазом бровь дергается. Как нехорошо она дергается. Да, да, не верю, что у тебя ласковое лицо. Нарочно ты, нарочно... Скупой ты... Александра голодом моришь. И меня будешь. И вши у тебя.

Да, я не ошиблась, и Тонька верно говорила: папа сразу продолжает:

- А у нас Шурка еще без места, вот как мы живем. Ох, Господи!

Обидно стало от этого тона и от этих слов. Ну, конечно, прямо-то ему стыдно сказать родной дочери, так предупреждает обидяками. Ладно, не буду твоего хлеба есть. Скорей бы только на место поступить.